

ГОСУДАРСТВО КАК ЦЕННОСТЬ

© 2009 г. В.Н. Жуков¹

Любая вещь, входящая в состав субъект-объектного отношения, становится ценностью. Субъект-объектное отношение возникает в рамках какого-либо вида деятельности, целеполагающего освоения человеком действительности. Речь может идти о хозяйственной, этической, эстетической, религиозной, философской, научной, юридической и других сферах деятельности. Принципиально здесь то, что ценностно значимая вещь поворачивается к человеку той стороной, которая его интересует в ходе того или иного вида деятельности. В частности, государство в контексте религиозного сознания предстает религиозной ценностью, в контексте морального сознания – этической ценностью, в контексте правового сознания – юридической ценностью, в контексте эстетического сознания – эстетической ценностью².

Рассмотрим государство в данных четырех ценностных измерениях.

Государство как религиозная ценность

Проанализировать государство как религиозную ценность означает показать восприятие государства в свете религиозного сознания. Религия задает тот угол зрения, под которым оценивается государство в его позитивном и негативном проявлениях. Различия между религиозными (религиозно-мифологическими) системами влияют, конечно, на характер восприятия политико-правовой реальности, но при этом сохраняется главное: в контексте религиозного мировоззрения государство всегда предстает как элемент теоцентрической картины мира.

Следует помнить, что на всем протяжении развития человечества религия была господствующей формой общественного сознания. Только в Новое время в отдельных регионах мира появляются общества, где устанавливается относительный предел влияния (фактический и юридический)

религии и религиозных объединений. Объяснить такую грандиозную живучесть религиозного сознания нетрудно: у человечества не было, нет и, видимо, никогда не будет средства предотвратить смерть – феномен, вносящий неизживаемый, неизбежный трагизм в жизнь отдельного человека и целых народов. Ни наука, ни техника, ни самые совершенные социальные институты не могут изменить трагический ход вещей: человек, родившись, движется по направлению к своей смерти. В условиях такой “логики абсурда”, такого всеобщего бессилия человечества перед смертью религия дает хоть какую-то надежду на жизнь после смерти. Есть закономерность в том, что влиятельные религии возникали в обстановке социальных катастроф, когда вокруг рушились все социальные институты и нормы, и появлялась потребность в некоей абсолютной, незыблемой основе.

Огромный массив источников, где государство раскрывается как религиозная ценность, представляет христианство. Для религиозного мыслителя или богослова вопросы государства, политики и права всегда локальны, имеют относительную ценность перед ценностью абсолютной, т.е. Богом. С точки зрения христианства, государство входит в божественное мироустройство как его составная часть, подчиненная законам, установленных Богом. Человеческая история рассматривается как отрезок между двумя крайними точками: актом творения мира и человека и вторым пришествием Иисуса Христа, знаменующего собой конец мира и наступление Страшного суда. В такой картине мира государству и праву, культуре в целом отводится весьма скромное место, религия и церковь, напротив, носят всепоглощающий характер. Естественная логика христианства направлена на подчинение всех нецерковных элементов общественной жизни церкви, что, в частности, нашло свое отражение в идеи воцерковления: культура (а с ней государство и право) только тогда обретает свой подлинный смысл, только тогда выполняет свое предназначение, когда входит в состав церкви, подчиняется ее канонам. Если за последние 500 лет (начиная с эпохи Реформации) культура постепенно вышла из-под влияния церкви, то не

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

² См. подробнее: Жуков В.Н. Введение в юридическую аксиологию (Вопросы методологии) // Гос. и право. 2009. № 6. С. 20–31.

вследствие принципиального изменения христианского мировоззрения, а под давлением внешних обстоятельств.

Как всякая религия, христианство предлагает строго иерархическую картину мира, где Бог и человек, Бог и тварный мир бесконечно удалены друг от друга. Установление такой дистанции вольно или невольно формирует в сознании и психологии человека стереотип властеотношений, где человек испытывает мистический ужас перед Абсолютом, считает себя находящимся в его полной власти. Сила данного стереотипа настолько велика, настолько глубоко он входит в подсознание человека, что иерархия земных, межчеловеческих отношений воспринимается как изначально данная, как освященная Богом, а стоящие у власти люди носят титул помазанников Божьих. По мнению русского религиозного философа и богослова С.Н. Булгакова, основой отношения Бога к миру и человеку является всемогущество Творца, его абсолютная власть, которая и структурирует миропорядок по принципу иерархичности. Власть, идущая от Бога, создаёт религиозную норму иерархического построения мира в виде властеотношений. Общество, будучи элементом мироздания, также существует на иерархических началах. Власть в обществе становится таковой потому, что она представляет собой образ и символ всемогущества Бога, а также потому, что только Бог даёт человеку силу власти. Библия далеко не случайно, отмечает он, определяет и “град небесный”, и “град земной” как царства (т.е. систему властеотношений), а Иисуса Христа называет “Царём царствующих” и “Господом господствующих”³.

Начиная с Августина, в христианской литературе была заложена традиция рассматривать государство как феномен глубоко антиномичный, имеющий и негативную, и позитивную ценность. С точки зрения этого теолога, вследствие грехопадения Адама и Евы весь тварный мир (включая людей) погружается во зло, мироздание как бы расщепляется на две части – божественную и дьявольскую. Сами прародители человечества становятся ареной борьбы Бога и дьявола, что предопределяет возникновение государства: оно появляется потому, что человек, отпавший от Бога, оказывается неспособным организовать свою жизнь без внешней принудительной силы, направленной на подавление дьявольского начала в человеке. Но появление государства есть своего рода знак попечения Бога о человеке, поскольку власть выступает средством борьбы со злом и поддерживает в человеке образ и подобие Божие. Таким образом,

государство выступает, с одной стороны, как следствие греха, с другой – как орудие борьбы с ним. Непосредственный факт рождения государства – акт братоубийства, совершенный Каином в отношении Авеля. Пролитая здесь кровь и есть та подлинная основа, на которой возникает и существует государство. Посредством такой трактовки библейской истории Августин хочет высказать простую и в целом верную мысль о том, что сущность любого государства – грубая сила, насилие (хотя это и необходимо для установления порядка).

Государство, находясь в эпицентре борьбы между Богом и дьяволом и отражая эту борьбу в своей деятельности, вносит трагический разлад в жизнь народов и отдельного человека, христианское правосознание как бы разрывается между полярными оценками государства. Стремление преодолеть антиномизм земной власти находит свой естественный выход в эсхатологизме – учении о конце света: человечество в своем движении к концу земной истории, к Царству Божьему должно изжить государство и прийти к боговластию, Божественной теократии. Земная власть, государство как источник насилия над человеком должны исчезнуть, но произойти это может лишь после гибели человечества и его воскресения в Царстве Божьем. Здесь опять-таки в мистифицированной форме высказывается простая и мудрая мысль: государство как орудие насилия есть неизживаемое бремя, которое человечество обречено нести на всем протяжении своего существования. Государство – это тень, которую отбрасывает человек, несовершенство государства есть отражение несовершенства человека. Государство необходимо потому, что несовершенен человек, и чем более он несовершенен, тем более свирепым и жестоким будет государство. Как нельзя изменить звериную (по терминологии Библии, зверь – это дьявол), животную природу человека в границах земного эмпирического мира, так невозможно в пределах земной человеческой истории изжить государство.

Эсхатологизм – нерв, ядро христианства, но в разных конфессиях, разных национальных культурах, у разных богословов он имеет большее или меньшее значение. Так, в православии (особенно в русском православии) уровень эсхатологизма наиболее высок, в католичестве и протестантизме – заметно снижен. Апокалиптическое христианство⁴, отличающееся максимально высокой

³ Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 336.

⁴ Под апокалиптическим христианством обычно понимают те настроения внутри христианских конфессий, которые проникнуты идеей близкого конца света, заданной Откровением Иоанна Богослова (апокалипсис – от греч. *apokalypsis* – откровение).

степенью эсхатологической напряженности, резко снижает ценность политики, государства и права, придает им ярко выраженный падший, греховный характер. Например, русский религиозный философ Н.А. Бердяев, представитель апокалиптического христианства, не жалеет черной краски для характеристики государства как “оплота греха”: “Государство не могло до сих пор жить без шпиона и палача, шпиона и палача верными своими слугами почитало, особенно их награждало, хотя нельзя человеку пасть ниже, чем пали эти полезные орудия государства, нельзя более нарушить заветов Божеских и человеческих. В общечеловеческом, здоровом сознании последний разбойник почитается выше шпиона или палача, даже в злодеях, разрушающих жизнь, больше сохранилось чести человеческой, чем у этих слуг государства. Государственное начало, взятое в обожествленном виде, не знает не только человечности и доброты, но и чести и честности; оно живёт законами самодовлеющими, своими собственными. Бюрократия – неизбежное детище всякой государственности – есть слишком часто потеря образа Божьего в человеке: в ней низкопоклонство и неискренность возведены в закон жизни... Прикосновение к власти государственной, ничему высшему не подчинённой, есть человеческое падение и развращение, забвение всех заповедей, измена всем заветам человечности. Государство почти не может жить без преступлений, оно легко становится организованным, планомерным преступлением, чудовищем, пожирающим человеческие жизни, требующим кровавых жертв, не знающим пощады и милости. Отвлечённая, самодовлеющая государственность была не организованной борьбой со злом, а скорее организованным злом, организацией злых сил, насильнических и кровожадных”⁵.

В источниках христианства, где эсхатологизм не играет определяющей роли, ценность государства заметно повышается и имеет по преимуществу позитивный характер. Характерный пример – русский религиозный философ права И.А. Ильин, в сочинениях которого трудно найти призывы приблизить конец человеческой истории, практически не звучит мотив падшести мира и человека. Чувствуется, что философ настроен не столько на скорейшее наступление Царства Божия, сколько на длительное и благополучное существование посюстороннего, земного мира. В его философии права отсутствует тема антиномии греховного и божественного в человеке, обществе, государстве и праве. Понимать государство как орудие

“диавола”, значит, по Ильину, обнаруживать патологию правосознания. С позиции нормального, здорового правосознания “кесарево” и “Божие” образуют собой живое единство. Государство, полагает он, есть проявление человеческого духа, стержнем которого выступает религиозное чувство; государство есть орудие движения к Богу, есть система братства, основанная на учении Христа⁶.

Следует повторить, что христианское вероучение (хотя и в мистифицированной форме) во многом объективно, трезво оценивает природу государства, в целом – природу человека и социальных отношений. Как это ни покажется парадоксальным, но именно в апокалиптическом христианстве мы встречаем позицию, отличающуюся мужеством, реализмом и даже житейской практичностью в оценке реального, а не выдуманного государства. Установка на жесткое разграничение “божественного” и “дьявольского”, “царства небесного” и “царства земного” позволяет рассматривать государство как факт реальной жизни, без прикрас и фантазий, как источник произвола и насилия, что побуждает людей выработать систему мер по ограничению власти государства.

Другая позиция, где государство подается как единство двух царств (божественного и человеческого), сразу же вводит нас в мир грез о некоем должном государстве, которого никогда не было и никогда не будет. Понимание государства как “системы братства”, основанного на учении Христа, есть либо самообман, либо инструмент политической демагогии, предназначенный для установления в обществе церковной власти. Такая практика имела место, в частности, в эпоху средневековья, когда светская и религиозная власть была объединена в руках римского папы. Под лозунгом “любви всех во Христе” власть папы на деле оказалась разновидностью заурядной тирании.

Государство как этическая ценность

Этика – раздел философии, где разрабатываются вопросы смысла человеческого бытия, изучаются критерии и цели поведения людей, исследуются ценности и социальные идеалы. Государство становится этической ценностью, пройдя сквозь призму морального сознания, заняв свое место в системе этических ценностей. Добро и зло, жизнь и смерть, счастье и страдание,

⁵ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 113.

⁶ См.: Ильин И.А. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 4. М., 1994. С. 258 – 276.

любовь и ненависть, храбрость и трусость, правда и ложь, мужество и малодушие, верность и предательство – вот те крайние точки этического сознания, между которыми протекает деятельность государства. Государство – это та сфера практического человеческого бытия, где нравственное сознание достигает своего наивысшего напряжения. Применяя систематическое организованное насилие, государство повседневно и ежечасно ставит людей в ситуацию морального выбора, в ситуацию конфликта ценностей, выход из которой нередко обречен стать трагедией. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно люди воспринимают власть как силу, в решающей степени воздействующую (позитивно или негативно) на всю их жизнь. И это не просто субъективное восприятие, это объективный факт: все “начала и концы” жизнедеятельности отдельного человека и целых народов имеют непосредственную связь с государством. Благодаря своему всеобъемлющему влиянию государство оказывается в фокусе нравственного сознания, становится предметом этической оценки.

Уже в Древнем мире государство предстает как этическая ценность. Так, в диалоге “Государство” Платон начертал проект, предлагавший отказ от собственности и семьи, строго регламентированный быт, всеобщее единомыслие и передачу власти философам. Казалось бы, данный проект страдает очевидным радикализмом, идет вразрез с естественными, природными потребностями человека, почему был отвергнут уже современниками Платона. Вместе с тем логика рассуждений великого идеалиста имеет глубокий этический смысл. Человек, с его точки зрения, слаб и эгоистичен, не способен самостоятельно пользоваться своим разумом и свободой, а потому его жизнь необходимо максимально регламентировать. Люди живут не для того, чтобы получить максимум комфорта и удовольствия, наплодить детей и накопить собственность, цель жизни – сохранить свою душу неповрежденной неблагоприятными поступками и снова вернуться в вечный мир идей. В контексте такой логики становится понятным предложение Платона вручить власть философам, которые, постигнув мир идей сами, ставят перед собой задачу силой власти приобщить к нему и подвластных. Иначе говоря, власть у Платона выступает средством внесения смысла в человеческую жизнь, государство приобретает ярко выраженный этический характер, становится этической ценностью.

Этический смысл государства обнаруживается уже в самом факте его возникновения и становле-

ния. У Аристотеля и Гегеля можно найти мысль, согласно которой идея государства предшествует реальному государству. Для Аристотеля, например, государство есть результат соединения формы и материи, где форма (идея государства) представляет собой активное начало, а материя (люди как эмпирическая данность) – пассивное. Государство возникает потому, что в сознании людей появляется идея государства. При этом Аристотель отстаивает тезис, вносящий существенный нюанс в его понимание происхождения государства. С его точки зрения, все человечество делится на две категории людей – эллинов (греков) и варваров (все другие народы), свободных и рабов. Варвар – раб по природе, в силу природы вещей он должен принадлежать эллину. Лучшее государство, по Аристотелю, то, где “все граждане-греки превращаются в рабовладельцев, а все народы мира – в их рабов. Греки должны стать властелинами Вселенной”⁷. Иначе говоря, Аристотель не признает за варварами права на собственное государство; сознание рабов, видимо, полагает он, не может содержать идею государства.

Иную картину рисует Гегель: первоначально существует идея свободы, которая, пройдя в своем развитии ступени абстрактного права, морали и нравственности, воплощается в государстве. Государство является следствием развития мирового духа, включающего в себя “духи отдельных народов”. Решающую роль здесь играют “герои”, которые силой своей воли объединяют массы в политические организмы больших и малых размеров. Субъектами мировой истории выступают только те народы, которые создали свои государства. Закономерность развития мирового духа состоит в том, что народы вступают в ожесточенное противоборство с целью установления своей гегемонии. Соответственно история человечества предстает как последовательная смена гегемонии одних народов другими.

Рациональное ядро всех этих рассуждений состоит в том, что идеальное, этическое начало играет огромную роль в возникновении, становлении и деятельности государства.

Государство – ценность, обеспечивающая физическое выживание народа и в этом смысле выполняющая свое великое этическое назначение. На определенном этапе своего существования первобытная община перестает справляться с проблемами, связанными с усложнением производства, многократным ростом населения,

⁷ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 361.

внутренними конфликтами, появлением сильных враждебных племен. В этих исторически новых условиях само существование общины ставится под угрозу, и государство становится тем институтом, который оказывается способным принять вызов времени. Только государство, используя организованное насилие, имело возможность существенно повысить эффективность производства, подчинить большие массы людей единой власти и установить твердый порядок, противостоять в войне. Конечно, возникновение государства во многом было обусловлено изменением материальных условий жизни, но очевидно и другое: государство никогда бы не состоялось без изменения общественного сознания. Появление государства знаменовало собой качественный скачок в развитии сознания. Осознание угрозы физической гибели, элементарный страх заставлял племена мобилизовывать свои умственные и нравственные силы. Стремление выжить приобретало вид этического порыва, что можно обнаружить в эпосе многих народов.

Аристотель и Гегель (выводя за скобки их национализм) точно указали на очевидный факт: не все народы оказались способны создать свое национальное государство.

Государство – это орудие, образно говоря, “бронированный кулак”, при помощи которого этнос завоевывает себе жизненное пространство в борьбе с природой и другими народами. Благодаря государству происходит возвышение этноса, рождающее в нем чувство собственного достоинства и даже превосходства над другими народами. Отсюда – вполне понятная гордость людей за свою культуру, свою историю, свой народ, сумевший создать государство и отстоять свою самостоятельность и независимость. Понятно также и чувство ущемленности (а иногда даже ущербности), которое испытывают народы, не имеющие своего национального государства и вынужденные существовать в тени государство-образующих народов. Весь XX в. прошел под знаком борьбы за создание суверенных национальных государств. Народы Европы, Азии, Африки, Америки шли к своей политической независимости, зачастую уплачивая за это тысячами жизней своих сограждан. Нередко создание государства было вызвано необходимостью сохранить физическое существование нации от истребления со стороны другой, более сильной нации.

Оставляя в стороне вопрос, почему одни народы создают свое государство, а другие – нет, важно отметить другое: для народов вопрос их политической самостоятельности во многом имеет нрав-

ственную природу. За стремлением этноса к политической независимости стоит желание утвердить среди других народов свое достоинство, свое право быть равными с ними, отстоять свое право на самостоятельное развитие. В этом смысле проблема создания этносом своего национального государства – проблема, конечно, нравственная.

Есть непосредственная связь между нравственным сознанием нации и особенностями создаваемого ею государства. Процесс происхождения государства в основном шел одновременно с формированием этноса и этнической культуры. Государство не возникает в искусственной, рафинированной среде абстрактных людей. В государстве всегда проявляются ценностные установки и психологические стереотипы народа, его создавшего. Государство, формируясь в недрах этнической культуры и являясь органической её частью, всегда выражает её специфические черты. Возникновение государства возможно только на стадии относительной зрелости этнической культуры. Язык, сознание, религия, культы, формы хозяйства и власти должны достичь определённой ступени развития, на которой все эти факторы станут способны поддерживать такой сложный и многофункциональный механизм, как государство.

Например, средневековые государства Европы и России становились полноценными только тогда, когда порывали с родоплеменными, кровнородственными отношениями. Родовые и семейные связи, сыграв свою позитивную роль в деле формирования единой этнической культуры, на определенном этапе становятся тормозом в развитии государства. Кровнородственные отношения вступают в конкуренцию с идеей государственного суверенитета, с нормами, установленными властью. Государство не может смириться с тем, что на его территории какой-либо другой субъект обладает монополией на применение насилия. Кровнородственные связи разъедают, расшатывают институты государства, мешают проведению единой централизованной политики.

И здесь в этой борьбе только тот этнос проявляет свою зрелость, который находит в себе силы рубить под корень кровнородственные связи. Только тот этнос проявляет зрелость, который ради единства страны, ради ее могущества и величия оказывается способным силой оружия, очень часто ценой большой крови, создать централизованное государство. Это своего рода этический порыв правящего класса, знаменующего собой переход сознания на качественно новый уровень. Конечно, здесь также наблюдается обычный рефлекс власти, своего рода инстинкт, требующий

подавления политических противников. Но далеко не в каждом народе борьба за власть ведет к созданию полноценного суверенного государства. Так, опричнина Ивана IV, бесчеловечная с точки зрения обыденной морали, в исторической перспективе выглядит как проявление воли русского народа в деле создания единого централизованного государства. Тем самым русский народ, его правящий класс продемонстрировали понимание исторических задач, ответственность за судьбу грядущих поколений, т.е. те высшие этические качества, которые и необходимы для создания государства.

Этические установки народа определяют не только сам факт возникновения государства, но также специфику его устройства и деятельности. Дисциплина, способность подчиняться, готовность жертвовать собой, чувство ответственности, понимание свободы, справедливости, равенства – все это определяет специфику государства. По словам русского либерала П.Б. Струве, нравственное сознание народа, его национальный дух находят свое воплощение в культуре – той непосредственной среде, где формируется волевое и сознательное начало нации – государство. Богатство, глубина и самобытность культуры определяют силовые возможности государства, его способность подчинять себе другие нации и государства. В этом плане борьбу между нациями и государствами Струве рассматривает как борьбу культур: побеждает та культура, в которой уровень правового и морального сознания, степень дисциплины и порядка оказываются выше⁸.

Как верно заметил русский монархист И.Л. Солоневич, каждая нация стремится стать империей, и если она ей не становится, то не потому, что не хочет, а потому, что не может. Создание империй во многом зависит, конечно, от людских, территориальных и иных ресурсов народа, политической и экономической целесообразности, но основную роль здесь играет воля нации, ее решимость, не взирая на жертвы, расширить свое жизненное пространство, подчинив себе другие народы. Империя в этом смысле есть претворенный в жизнь этический идеал народа, так понимающего свою историческую судьбу. Нация, осуществляющая имперскую политику, тем самым как бы решает для себя главный этический вопрос – смысл своего существования среди других народов. Так, в эпоху Московского царства в русском национальном сознании закладывается имперский этический идеал – “Москва – Третий Рим”, опре-

деливший на века вперед специфику российской государственности.

Наиболее ярко этический смысл государства раскрывается в феномене войны, что убедительно показал Гегель. Резко порывая с идеологией просветительства, он говорит о “нравственном моменте войны”, предлагает рассматривать ее как относительное, а не абсолютное зло. Высокое значение войны, с его точки зрения, состоит в том, что благодаря ей “сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира”⁹.

Общество, полагает Гегель, есть прежде всего система потребностей, в обычной жизни людьми движет эгоистический интерес, рождающий конфликты и ведущий к атомизации народа. Государство, напротив, вносит в жизнь нации этическое начало, объединяя ее во имя общих ценностей и целей. Война многократно усиливает такое воздействие. Заставляя подвластных воевать, государство пробуждает в них нравственное сознание, выводит из “болота повседневности”, приобщает к общенациональной жизни и всемирной истории. Благодаря войне проясняется смысл существования общества и отдельных индивидов. Во время войны контрастно проявляется существенное и несущественное, главное и второстепенное. Так, жизнь отдельного индивида представляется Гегелю относительной ценностью, благо нации и государства – ценностью абсолютной. Жертвуя своей жизнью во имя государства, личность выполняет свой главный нравственный долг. Страх смерти, утверждает философ, способен погубить свободу народа и суверенитет государства, что представляется ему нравственной катастрофой. Потерять независимость, попасть под иго другого народа – бесчестье не только для нации в целом, но и для каждого индивида¹⁰.

Вместе с тем государство может быть не только позитивной, но также негативной этической ценностью. Государство способно не только аккумулировать нравственную энергию народа, побуждать человека к высоким этическим поступкам, но также разрушать, разлагать общественную и индивидуальную нравственность. Государство в своей основе – это насилие, к которому оно вынуждено

⁸ См.: Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 63–70.

⁹ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 360.

¹⁰ См.: там же. С. 359–362.

прибегать в больших или меньших масштабах. На теоретическом уровне такое положение дел выглядит вполне нормально и даже обыденно: государство как безличная абстрактная сила поддерживает в стране порядок, т.е. выполняет одну из основных своих функций. С точки зрения формально-логической все выглядит как будто безупречно. Однако если с абстрактного уровня опуститься на конкретный, то картина выглядит иначе.

В качестве орудия насилия и объекта насилия выступают люди, на стыке власти и подчинения оказывается живой человек, а не абстрактное лицо. Государство, реализуя свою потребность в насилии, требует от носителей власти способность в случае необходимости причинить другим людям боль, страдание и даже убить их. Например, всякое нормальное государство высоко ценит военных, так как армия – гарантия государственного суверенитета. Но военные – это люди, назначение которых в конечном счете состоит в том, чтобы уметь профессионально убивать, эффективно “поражать живые и неживые цели противника”. Всякий нормальный сыск (уголовный и политический) нуждается в осведомителях, без этого уровень общественной безопасности серьезно снижается. Однако с позиции общечеловеческой морали доноительство (за деньги или по призыванию) – позор. Пенитенциарная система в любой стране – вещь необходимая, но осужденный (даже в условиях правового государства) претерпевает там физические и моральные страдания. Смертная казнь, примененная по приговору суда, внешне выглядит нравственно оправданной, но очевидно также ее разлагающее влияние: в общественном сознании утверждается мысль, что убийство человека – вещь вполне допустимая. Факт, что убивает именно государство и на законном основании, видится людьми как нюанс, несущественная деталь. На иррациональном, психологическом уровне (и это главное) смертная казнь воспринимается как месть, возрождая в современном человеке инстинкты первобытного дикаря.

Итак, государство, реализуя функцию насилия, вынуждено эксплуатировать далеко не лучшие качества человека. Государство, борясь за безопасность и правопорядок, ставит перед собой высокую этическую цель, но достигает ее ценой значительных нравственных потерь. Насилие, исходящее от государства, имеет своим неизбежным следствием нравственное падение и власти, и подвластных. Здесь мы наблюдаем вечный нравственный конфликт между целями и средствами, конфликт, который государство обречено каждый раз воспроизводить вновь.

Государство как юридическая ценность

Анализ государства как юридической ценности означает рассмотрение его через призму права. Юридический взгляд на государство начинается широко распространяться в эпоху буржуазных революций, когда формируется так называемое юридическое мировоззрение. Для буржуазного сознания и буржуазной культуры, специфику которых определяет право частной собственности и защищающая его юстиция, характерен юридический подход к оценке социальных отношений. В XVII–XVIII вв. понимание государства как юридического феномена в значительной степени определялось воздействием со стороны школы естественного права. В XIX и XX вв. юридическое понимание государства расширилось за счет появления других правовых школ, построенных на основе гегельянства, кантианства, позитивизма, томизма, феноменологии, прагматизма, экзистенциализма, фрейдизма и т.д.

Тезис о юридической природе государства, рассмотрение его как юридического феномена сразу вводит нас в сферу нематериальных отношений. Как верно отметил Г. Еллинек, “через посредство правовых понятий познается всегда не реальное бытие, а лишь нормы, предназначенные к осуществлению их в действиях человека. Правовым понятиям как таковым не соответствует какая бы то ни было реальность вне нас. Вне нас существуют материальные тела, но не существует вещей в юридическом смысле, собственности, владения. Вещи в юридическом смысле возникают лишь путем абстракции из регулируемых правом отношений людей к предметам внешней природы и друг к другу. Понятие собственности и владения выводятся из норм, регулирующих отношения человека к вещам. Собственность и владение, вопреки ходячим представлениям, суть не осязаемые или видимые вещи, а исключительно отношения к такого рода вещам с точки зрения норм, должностных определять эти отношения”¹¹.

Главная мысль здесь сводится к тому, что в основе юридических явлений лежит норма как некая первичная реальность. Оставив в стороне дискуссию о материальном или идеальном происхождении самой нормы, следует согласиться с Г. Еллинеком в том, что юридические отношения и институты есть результат привнесения человеком нормы в реальную жизнь. В этом смысле вполне уверенно можно утверждать, что государство как юридический феномен представляет

¹¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 178.

собой реализованную совокупность норм, имеющих, как минимум, три измерения:

- 1) государство как норма сознания;
- 2) государство как норма поведения;
- 3) государство как норма позитивного права.

1. Позиция, согласно которой государство есть реализованная норма сознания, наиболее полно представлена в теориях естественного права и договорного происхождения государства. С точки зрения раннебуржуазных (или предбуржуазных) идеологов, источником права и государства является сознание человека. Уже в условиях догосударственного, естественного состояния в сознании людей априорно существуют нормы естественного права, выступающие в виде императива их поведения и дающие им представления о свободе, равенстве, справедливости и других принципах коллективной жизни. Смысл такого подхода состоял в том, чтобы указать на самоценность личности, ее главную роль в деле формирования общественных институтов и отношений. В условиях естественного состояния самоценный статус личности был лишен гарантий, что потребовало создания государства: оно возникает как силовой институт, предназначенный для защиты человека и его прав. Конструкция договорной теории говорит о том, что личность – это субстанция, государство – функция, личность – первична, государство – вторично. В данном контексте государство возникает и существует как проекция индивидуального правового сознания.

Примеры такого подхода дают, в частности, философско-правовые воззрения Т. Гоббса и И. Канта. Так, Т. Гоббс различает естественное право и естественные законы. Если под естественным правом понимается ничем не ограниченная свобода, то естественный закон формулируется как “предписание, или найденное разумом общее правило”, регламентирующее поведение человека¹². Возникновение государства, по логике Гоббса, оказывается возможным потому, что нормы естественного закона воплощаются в практические взаимоотношения людей. Само их сознание требовало создания института, который бы с помощью силы мог поддерживать априорно существующие идеальные императивы.

В философии права И. Канта данная рационалистическая тенденция достигает своего логического завершения. С точки зрения немецкого философа, государство есть объединение множества людей, подчиненных правовым законам. “Поскольку эти

законы, – продолжает Кант свое рассуждение о государстве, – необходимы как априорные законы, т.е. как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статутарные), форма государства есть форма государства вообще, т.е. государства в идее, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (norma) для любого действительного объединения людей в общность”¹³. Иначе говоря, и право, и государство в своей основе есть атрибуты, свойства индивидуального сознания. Государство по своей природе является априорной идеей, нормой, которая в силу различных эмпирических факторов становится реальностью.

Рационалистическая традиция понимания государства как нормы сознания в XX в. приносит новые плоды: государство начинают рассматривать как особую форму правосознания (Н.Н. Алексеев, И.А. Ильин). В современной теоретико-правовой литературе под правосознанием обычно понимают рациональное осмысление государства и права (правовая идеология) и эмоциональное к ним отношение (правовая психология). В основе такого подхода лежит марксистско-ленинская теория познания (теория отражения), согласно которой сознание человека содержит в себе совокупность представлений об окружающем мире. Образно говоря, общественное правосознание в этом случае предстает в качестве огромного стереоскопического зеркала, отражающее политико-правовую жизнь того или иного народа, что, конечно, обедняет, упрощает наше представление о правосознании.

Заслуга Н.Н. Алексеева и особенно И.А. Ильина состоит в том, что они показали активную, творящую роль правосознания в деле становления и функционирования государства и права. Правосознание, по Ильину, – не просто идеальный образ, модель политико-правовой действительности, оно есть способ, форма политико-правового бытия, это само государство и само право в их идеальной реальности. Действительно, государство – это люди, их сознание, воля и чувства. Организация людей в государство возможна только потому, что сознание указывает те способы и тот характер связи, которые необходимы для юридико-властной деятельности. В данном случае правильно будет сказать, что не государство отражается в общественном правосознании, а само правосознание, его глубинная и разветвленная структура предопределяет специфику того или иного госу-

¹² См.: Гоббс Т. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1991. С. 98–99.

¹³ Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 233–234.

дарства, создает данное государство. Форма, механизм, функции государства, наконец, сама сущность государственной власти есть не что иное, как проекция правосознания. Если сознание того или иного народа не содержит представлений о юридико-властной деятельности, государство не появляется. Государство живет и осуществляет свою деятельность в первую очередь потому, что есть люди, объединенные сознанием общего интереса, общими целями и ценностями. Многочисленные исторические примеры показывают, что коренная ломка правосознания ведет к серьезной деформации или даже гибели государства.

2. Рассмотрение государства как нормы поведения широко представлено в разных вариантах социолого-правовых и психологических школ. Социология – наука о социальных институтах и их функциональной взаимосвязи. Социологический метод предполагает изучение государства в контексте его функциональных связей с другими социальными явлениями (экономикой, политикой, религией, моралью, обычаями, национальными отношениями и т.д.). С точки зрения социологии государство есть институт, сущность которого раскрывается в его функциональной полезности, необходимости для общества и его институтов, а также отдельных индивидов. Государство возникает и существует потому, что его деятельность отвечает коренным интересам общества, потому что благодаря государству люди получают возможность удовлетворять свои важнейшие потребности. В этом смысле можно сказать, что государство возникает и существует как факт жизни, обусловленный закономерностями жизнедеятельности людей. Борьба за выживание того или иного народа диктует ему нормы поведения, которые воплощаются в том числе и в деятельности государства. Осуществляя политическую, экономическую, идеологическую и другие функции, государство фактически реализует нормы поведения, заданные природой социальных отношений. Следует подчеркнуть, что данные нормы никем не установлены и нигде не зафиксированы, они рождаются самой жизнью и существуют как факт поведения государственных органов и должностных лиц. Нормы фактического поведения государства могут найти свое отражение в позитивном праве (правовых обычаях, законодательстве, юридических прецедентах и др.), но их первоисточник – общественная жизнь во всем ее многообразии.

Так, например, французский юрист Л. Дюги утверждал, что в основе существования и деятельности государства лежит главная социальная норма – норма солидарности. Как он полагал,

фундаментом всех социальных связей является норма солидарности, объединяющая людей в единое целое. Общество существует, развивается и выживает только потому, что реализует норму всеобщей солидарности, заложенной самой природой. Государство как факт жизни представляет собой результат действия данной нормы, государство – это и есть сама норма в своем фактическом, эмпирическом выражении. Можно соглашаться или не соглашаться с тезисом Л. Дюги о солидаристской природе общественных отношений, но в методологическом плане французский юрист прав: государство в своем фактическом поведении реализует нормы, диктуемые самой жизнью.

Психологи также внесли свою лепту в создание традиции рассматривать государство как факт нормативного поведения. Так, с точки зрения швейцарского психолога К.Г. Юнга, поведение людей, жизнь социальных институтов определяется коллективным бессознательным, под которым понимается неосознаваемая людьми психическая энергия, представляющая в виде наследуемых от поколения к поколению инстинктов и стереотипов восприятия и поведения. Коллективное бессознательное заключает в себе накопленный опыт всего человечества, содержит некий генетический код, который определяет индивидуальную и социальную психологию. Важнейшим элементом коллективного бессознательного является архетип – своеобразный идеальный кристалл, чистая форма, которая структурирует чувственный и интеллектуальный опыт людей по своему образу и подобию. По Юнгу, архетип имеет нематериальное и доматериальное происхождение, его природа никогда не может быть постигнута, он постоянно обнаруживает себя в виде символических образов в снах, бреде психически больных, мифах, религиозных текстах, магических ритуалах, искусстве и т.п. Именно архетипы “отвечают” за специфику социокультурных форм (государство, право, религиозные и национальные отношения) у различных народов, так как у каждого этноса в зависимости от обстоятельств его появления и развития может преобладать тот или иной архетип.

Согласно данной позиции каждый народ имеет свои, только ему присущие архетипы, которые определяют специфику государства в его форме, механизме, функциях и способах реализации власти. В данном случае архетип коллективного бессознательного есть та норма, которая устанавливает рамки политического поведения народа на всем протяжении его существования. Государство есть реализованный архетип, где норма и факт слились в органическом единстве. Например,

практику немецкого национал-социализма Юнг рассматривал как результат действия архетипа Вотана – древнегерманского языческого бога бури и неистовства, культивирующего страсть к войне.

3. Восприятие государства как реализованной нормы позитивного права нашло свое отражение в юридическом позитивизме – правовой школе, возникшей в основном как инструмент обслуживания интересов пришедшей к власти буржуазии. В условиях буржуазной демократии многократно возрастает роль нормативного акта как источника права (следствие активной правотворческой деятельности парламента и правительства), бурно развивается конституционное законодательство. В первой трети XIX в. немецкие юристы начинают разрабатывать теорию правового государства. Все эти факторы способствовали развитию формально-догматической юриспруденции, которая основное внимание фокусирует на тексте законов и подзаконных актов. С точки зрения юриста-догматика, государство есть совокупность нормативных актов о государстве, система реализованных норм конституционного законодательства.

Такой подчеркнута формалистический подход может показаться оторванным от жизни, способным не столько дать точное знание о государстве, сколько породить иллюзию, фантом. Действительно, история последних двух столетий показывает, что во многих странах принимались конституции, имеющие мало общего с реальной политико-правовой действительностью. Очень часто такого рода конституции были средством манипулирования сознанием подвластных, разновидностью политической пропаганды. В этом случае говорить о государстве как о реализованных нормах позитивного права как будто не приходится.

Вместе с тем данная проблема сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Во-первых, между государством и позитивным правом существуют прямые и обратные связи. Государство, реализуя свой суверенитет, создает некие нормы, за нарушение которых устанавливает санкции. Следует понимать, что правом может стать любая социальная норма (моральная, религиозная, эстетическая, техническая, норма обычая, ритуала и т.п.), за нарушение которой будет карать государство. Нормативная система, исходящая от государства, есть проявление его воли, направленной на подчинение всех субъектов общественной жизни единому властному центру. Режим властвования нуждается в стабильности, которая обеспечивается с помощью права. Государство всегда заинтересовано в стабильном правовом порядке, поскольку только таким способом

можно обеспечить свой суверенитет на длительное время. Если государство будет систематически выводить себя за рамки установленного им же правового порядка, то в этом случае власть станет подрывать свой собственный статус – единственного законного источника правового порядка. Иначе говоря, государство в лице права создает себе такое необходимое условие своего существования, без которого в дальнейшем уже не может обойтись. Право становится второй природой государства, его неотъемлемым органическим элементом, приобретающего силу собственного инерционного развития. Позитивное право, возникнув как воля государства для защиты его суверенитета, в свою очередь, начинает связывать само государство, диктуя ему его же волю. Именно в этом смысле можно утверждать, что государство есть реализованная норма позитивного права.

Во-вторых, когда в массовом сознании буржуазного общества государство начинает восприниматься в основном через призму юридических категорий (государство как субъект права, как юридическое лицо), оно действительно начинает приобретать юридическую природу. Конечно, государство как субъект права есть некая юридическая абстракция, юридическое понятие, существующие либо в сознании, либо на бумаге. Но, помещая феномен государства в рамки юридических конструкций, оно оказывается связанным юридическими категориями. Сознание людей, создавая юридические нормы и категории, тем самым встраивает реальное государство в мир позитивного права. Пример тому – правовое государство, которое юристы нередко определяют как юридически организованный народ. Ведь правовое государство представляет собой совокупность юридических связей, сумму субъективных прав и обязанностей, предусмотренных нормами позитивного права.

В-третьих, в реально функционирующем правовом порядке государство и позитивное право фактически сливаются, что так убедительно показал основатель нормативизма Г. Кельзен. С его точки зрения, мир человеческих отношений имеет две составляющие: сферу должного, представленную в сознании, и сферу сущего, проявляющуюся в фактическом поведении людей. Мыслимый мир должного формирует мир сущего (т.е. действительность), вносит в него нормативность, организованность и порядок. Государство и позитивное право и есть тот самый нормативный принудительный порядок, который, рождаясь в сфере должного, становится эмпирической реальностью в мире сущего. Иначе говоря, и государство, и

позитивное право в их эмпирическом проявлении представляют собой реализованную норму мира должного. Если отвлечься от метафизических абстракций Г. Кельзена и попытаться выделить рациональное зерно нормативизма, то оно видится в следующем: государство, представленное в виде правопорядка, имеет нормативную основу, говоря конкретнее, оно во многом есть результат действия нормы позитивного права.

Государство как эстетическая ценность

Эстетика (от греч. *aisthesis* – ощущение, чувство; *aisthetes* – чувствующий) – “философская дисциплина, имеющая своим предметом область выразительных форм любой сферы действительности (в т.ч. художественной), данных как самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность”¹⁴. Эстетическое сознание имеет несколько специфических черт. Во-первых, оно обращено к форме, образу вещей. Эстетическое освоение человеком действительности означает, что в его сознании возникают образы окружающего мира. Во-вторых, эти образы имеют самоценный, самодостаточный характер, человек ценит их самих по себе. В-третьих, отношение к формам (образам) вещей носит созерцательный, неутилитарный характер. В-четвертых, созерцание образов действительности доставляет удовольствие (либо другое чувство в зависимости от вкусов человека).

Эстетическое сознание существует в форме категорий: прекрасное – безобразное, трагическое – комическое, возвышенное – низменное, героическое, ирония, юмор, гротеск и т.д. Важнейшая категория эстетики – прекрасное, под которым понимается совершенство каких-либо вещей, оптимальность их состояния и развития, высшая степень проявления каких-либо качеств, гармония частей и целого.

Эстетическое восприятие представляет собой такую форму сознания, которая имеет место на всех этапах истории человечества, у любых народов не зависимо от уровня их развития. Уже у первобытного человека, который осваивал мир в логическом (использование законов мышления), этическом (установление норм социальной жизни) и утилитарном (хозяйственное освоение) отношениях, существовало эстетическое сознание. Первобытные орудия труда, постройки, утварь, одежда создавались, конечно, в хозяйственных целях, но одновременно – и по законам красоты.

С древнейших времен все сферы деятельности человека были пронизаны эстетическим сознанием, человек оценивал мир (природный и социальный) и себя как часть этого мира сквозь призму эстетических категорий. Эстетическое восприятие действительности нашло наиболее полное свое воплощение в искусстве (одна из форм общественного сознания и человеческой деятельности, представляющая собой отражение действительности в художественных образах).

Политика, государство, власть также всегда оказываются включенными в сферу эстетического сознания и в этом случае становятся эстетическими ценностями. Эстетическое восприятие государства осуществляется по двум направлениям: в самой жизни и в искусстве.

Воспринимая государство в эмоционально-образном виде, подвластное население оценивает различные его аспекты (происхождение, структура, форма, сущность, методы осуществления власти) через призму эстетических категорий. Так, например, важнейшим свойством, существом любого государства является сила, способность власти подчинять себе все субъекты общественной жизни. Сила – это то главное, что видят люди во власти и за что ценят власть. Слабая власть представляет собой отступление от естественности, природы государства, есть нечто патологическое, что расценивается обществом как безобразное, низменное явление. Слабая власть – предмет насмешек, пародии, анекдотов, она представляет собой нонсенс, курьез. И напротив, сильная власть внушает уважение, оценивается как нечто нормальное, здоровое и потому, как правило, воспринимается населением в позитивных эстетических тонах (прекрасное, возвышенное, совершенное). Механизм, форма, функции государства также являются предметом эстетической оценки: можно говорить о прекрасной организации государственной власти, совершенной форме правления, героических усилиях военных или сотрудников правоохранительных органов, а также о безобразном состоянии законности, ужасном политико-территориальном устройстве, драматическом положении дел с коррупцией и т.д.

Поскольку эстетика тесно связана с этикой и политикой, эстетическое отношение к власти – важный показатель общественного правосознания. Например, эстетическим категориям “прекрасное” и “безобразное” соответствуют этические категории “добро” и “зло”, а категории “возвышенное”, “низменное” и “героическое” являются одновременно этическими и эстетическими. Восприятие народом своего государства как явления

¹⁴ Лосев А. Ф. Эстетика // Философская энциклопедия. В 5-ти т. Т. 5. М., 1970. С. 570.

прекрасного, возвышенного и совершенного говорит о легитимности данной власти, наличии у нее широкой социальной базы. Власть, воспринимаемая в таком эстетическом свете, имеет в массах надежную поддержку, способна мобилизовать население для достижения стратегически важных целей. Нация, оценивающая свое государство как наиболее совершенное свое творение, не жалеет жертв ради его спасения и процветания. Нередко такой народ воспекает войну как одновременно прекрасное и трагическое явление, рождающее героев. И напротив, когда государство становится предметом насмешек, иронии, сарказма, когда власть воспринимается обществом как нечто безобразное и низменное, – это верный признак социальной патологии. Эстетическое неприятие государства может означать, как минимум, две вещи: либо данная власть изжила свои формы и методы управления, либо сам народ разложился до такой степени, что не хочет подчиняться никакой власти.

Особый вопрос – отражение государства в искусстве. Искусство – неотъемлемая составная часть социального бытия, возникнув в доисторические времена, оно сопровождало государство на всех этапах его становления и развития. В искусстве нуждались и власть, и подвластные. Власть воспринимала искусство в основном как средство манипулирования общественным сознанием с целью установления твердого порядка: посредством искусства власть пыталась донести до подвластного населения цели и задачи государства, идеи легитимности правящей династии, формы и методы осуществления власти, обязанности подвластных. Для народных масс искусство было способом обсуждения и оценки власти, средством создания политических идеалов. Иными словами, благодаря искусству и власть, и подвластные создавали и продолжают создавать эстетический образ государства.

Искусство многообразно и во всех его видах (музыка, архитектура, живопись, литература, поэзия, театр, кино и др.) государство нашло свое отражение, представая, в частности, в виде как позитивной, так и негативной эстетической ценности.

Примерами восприятия государства как позитивной эстетической ценности изобилует искусство народов, борющихся за независимость, за создание или сохранение национальной государственности. Так, в древнерусском эпосе “Слово о полку Игореве” звучит мысль о необходимости единения всех русских земель перед угрозой внешних врагов, критикуется междоусобица, ослабляющая силу русского государства. В ли-

тературе XIV–XVI вв.¹⁵ потеря русскими государственной самостоятельности оценивается как трагедия. Вместе с тем монголо-татарское иго, с точки зрения средневековых авторов, есть не конец русской истории, но ее очередной этап, давший мощный импульс процессу общерусского объединения и укрепления верховной власти. Здесь же воспевается сила русского оружия, создается образ величественной Родины.

Идея создания единой Германии проходит красной нитью через все творчество Р. Вагнера. Его оперы – гимн немецкому национализму, который и должен, по мысли композитора, стать объединяющей основой будущей великой германской государственности. Литературный материал опер Р. Вагнера – древнегерманский эпос, который, как полагает композитор, должен повернуть немцев к истокам своей государственности, зарядить их энергией и силой средневековых германских племен. Одна из центральных фигур тетралогии “Кольцо нибелунга” – древнегерманский бог войны Вотан, распространяющий вокруг себя атмосферу воинственности и борьбы. Ведущий мотив здесь – создание культа героев-воинов, способных пожертвовать жизнью ради великой цели и потому обретающих бессмертие.

Культивирование ценности государства достигает своего апогея в тоталитарном искусстве (странах “реального социализма”, фашистской Италии, нацистской Германии). Как правильно отметил немецкий культуролог Х. Гюнтер, в условиях тоталитаризма эстетика и политика, искусство и государство практически сливаются. “Мысль о тоталитарном государстве как о произведении искусства, – пишет он, – справедлива не только по отношению к Третьему Рейху, но и к Советскому Союзу, а также к фашистской Италии. Она не связана исключительно лишь с восхищением Гитлера байрейтовским мэтром¹⁶, а рождается из основной тенденции этого типа культуры – из стремления насильственной гармонизации всех сфер жизни, из вынужденной гармонической целостности всех ее частей. Но так как жизненную реальность насильственно нельзя привести к гармонии, усилия переносятся на созидание прекрасной видимости, т.е. эстети-

¹⁵ См.: “Слово о погибели Русской земли”, “Повесть о Куликовской битве”, “Сказание о граде Кияже”, “Задонщина”, “Сказание о Мамаевом побоище”, “Послание на Угру” Вассиана Рыло, “Казанская история”.

¹⁶ Речь идет о Р. Вагнере – любимом композиторе Гитлера, который говорил: “Тот, кто хочет понять национал-социалистическую Германию, должен знать Вагнера”. В Третьем рейхе музыка Р. Вагнера считалась официальной.

ческими средствами создается иллюзия гармонического единства”¹⁷. Иначе говоря, искусство при тоталитаризме – это не просто набор автономно существующих произведений, оно есть системно выстроенный социальный миф, заменяющий собой реальность. Созданный тоталитарным искусством образ государства становился фактом общественного сознания.

Эстетизация тоталитарного государства достигалась различными художественными средствами, но при одной неизменной этико-эстетической установке: все они должны были базироваться на традиционалистских, консервативных стереотипах. Любимые образы тоталитарного искусства – “атлет, борец, вооруженный воин, готовые к преодолению трудностей, выполнению почетного задания или подвига; дородная мать-героиня, воплощающая плодородие земли и продолжение рода; умиротворенный и величественный вождь, снисходящий до общения с простым народом или вззирающий на него с высоты; ликующие и воодушевленные массы, объединенные в торжественном шествии, военном или спортивном параде, в боевом строю или трудовом порыве; семейная идиллия как символ всеобщего счастья”¹⁸. Цель создания этих образов – наделить государство высшими эстетическими качествами, благодаря которым тоталитарная власть рассчитывала привлечь к нему симпатии населения и на этой основе укрепить свое господство.

Не менее сильна тенденция в искусстве, в рамках которой создается негативный образ государства. Так, в европейском романе XIX в. (О. де Бальзак, В. Гюго, Ч. Диккенс) государство зачастую предстает как источник социального зла, как главный виновник пороков буржуазного общества эпохи свободной конкуренции (эксплуатация человека труда, его беспомощность перед властью капитала, разгул эгоизма и бездуховность). Буржуазная юстиция воспринимается не как торжество справедливости, а как темная безличная сила, вторгающаяся в частную жизнь простого человека и разрушающая ее. Символом государства становится власть нотариусов, судебных исполнителей и долговая тюрьма.

Особой силы критика государства достигает в русской литературе XIX – начала XX вв. Сначала негативная оценка русского государства предстает как проблема “лишних людей” (Чацкий, Онегин,

Печорин), молодых дворян, потерявших идеал служения монархии и в целом – стране. Затем приходит тема “маленького человека” (“Станционный смотритель” А.С. Пушкина, “Шинель” Н.В. Гоголя, “Бедные люди” Ф.М. Достоевского), который изображается жертвой российского абсолютизма. И наконец, сочинения Л.Н. Толстого (особенно “Воскресение”), где государство рассматривается уже с последовательно анархических позиций, как институт, несущий с собой абсолютное зло.

В XX в. на Западе, когда буржуазное государство многократно усиливается и повсеместно становится этатистским, данная тенденция только усиливается. Буржуазная культура, возникшая в ходе революций XVII–XVIII вв. и пронизанная духом индивидуализма, к XX в. все меньше оставляет места личной свободе. Буржуазное общество в лице государства и других институтов все больше предъявляет требований к человеку, под тяжестью которых включается механизм “бегства от свободы” (Э. Фромм): свобода воспринимается обременительной роскошью, за пользование которой общество устанавливает высокую цену в виде разного рода санкций. Человек современной западной культуры на сознательном и подсознательном уровнях начинает воспринимать государство в качестве врага, посягающего на его свободу. В живописи, литературе, кино это проявилось в форме создания многочисленных произведений, в которых на основе психоанализа, экзистенциализма и сюрреализма показывается репрессивная роль современного государства (как и всей буржуазной культуры). Яркий пример тому – сочинения Ф. Кафки, Ж.П. Сартра, А. Камю.

Две мировые войны, практика тоталитарных режимов также дали мощный импульс в деле создания эстетически негативного образа государства. Так, в романе “На западном фронте без перемен” Э.М. Ремарк блестяще доказывает очевидную в общем-то мысль: солдат, попадая в условия смертельного боя, зачастую утрачивает ощущение ценности государства, направившего его на фронт погибать. Сознание солдата непроизвольно выбрасывает идеологические клише официальной пропаганды, возвращая его к самому себе, к неким вечным ценностям (жизнь, любовь, дружба). Образ государства-монстра возникает на страницах “Колымских рассказов” В. Шаламова. Эстетика советского лагеря убеждает читателя в том, что государство, практикующее такие методы, не имеет права на существование. В художественном мире В. Шаламова лагерь и советское государство отождествляются и квалифицируются как абсолютное социальное зло.

¹⁷ Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон. Сборник статей. СПб., 2000. С. 7.

¹⁸ Кондаков И.В. Тоталитарная культура // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. М., 2007. С. 715.